

Otium для никого?

Статьи этого блока первоначально были представлены в виде докладов на конференции «Между трудом и досугом: к новой „экономии спасения“?», организованной отделением культурологии философского факультета НИУ ВШЭ 26–27 ноября 2013 года.

От редакции

Досуг как предмет изучения и рефлексии еще до недавнего времени был «постыдным удовольствием» социологов, не говоря уже о философях. Первые исследования досуга начались на Западе после войны, в атмосфере промышленного подъема. И разумеется, социология досуга была сначала не чем иным, как ответвлением социологии труда. Именно контекст индустриального капитализма позволил выявить досуг как социальную характеристику всеобщего бюджета времени, а не как некоторую кровную или служилую привилегию. Индустриальная организация труда

предполагает четкий водораздел между трудом и досугом, грань, символизируемую фабричным гудком. Введение четкой границы между двумя этими базовыми типами деятельности предстало цивилизационной революцией, сопоставимой по значению с рождением письменности или с изобретением двигателя внутреннего сгорания. Исследовательская модель выглядела поэтому относительно просто и делила мировую историю на «до» и «после» этого разделения. Первый период характеризовался так называемой пористостью, взаимопроникновением, смешением труда и досуга и простирался от глубин верхнего палеолита до XVII–XVIII веков; второй отличался четким разведением труда и досуга и, считая от этого временного рубежа, уходил далее в бесконечность.

Сегодня историко-социологическая модель досуга выглядит сложнее, поскольку выяснилось, что четкое отделение труда от досуга является исторически нетипичным, а по сути даже исключительным явлением. Вместо радикального разрыва XVII–XVIII веков оказалось уместнее говорить об исторических скобках, включивших в себя индустриальный капитализм XVII–XX веков. Капитализм XXI века (сетевой, финансовый, когнитивный¹) характеризуется возобновлением ситуации пористости. Не просто место и время досуга становятся все более важными (хотя бы потому, что в продолжение всех этих «исторических скобок» сокращается длительность рабочего времени), но и сам досуг теряет отчетливость своих временных и пространственных контуров, снова проникает в труд и с ним переплетается. Такое положение дел заставляет переосмыслить и теоретическую модель. Может быть, и сами «теории досуга» имеют исторически ограниченную зону применения, а к постиндустриализму (как и к прединдустриальным формам) могут применяться только метафорически?

Теоретичность этих моделей, впрочем, никогда не исключала выявления теологической подоплеки. Она четко проявляется уже в понятии отчуждения, сопровождающем в течение нескольких веков дискурс о труде. Понятие отчуждения часто ассоциируется с Марксом, но восходит оно через Фейербаха и Гегеля к Лютеру и к теологическому измерению экзистенции, понятой в перспективе «экономики спасения». Изначально «отчуждение» (*alienatio*) относилось к имуществу и его изъяс-

1. См. тематический блок о когнитивном капитализме в «Логосе» № 4 (61) за 2007 год.

тию. В протестантской, преимущественно лютеранской, мысли *Entfremdung* означало отпадение от Бога, богооставленность и ее острое переживание. От этой покинутости Богом, прямого следствия первородного греха, могли излечить (= спасти) только две вещи (получившие под пером Макса Вебера свою классическую разработку): пересадка Бога внутрь в виде внутреннего (а не внешнего) священника и труд (а не молитва). Постпротестантское просвещение поэтому стало двойственным процессом эмансипации от труда и от греха/Бога, то есть, собственно, от всей той логики, которая их сплетает воедино. Фейербах перевернул гегелевскую схему отчуждения, построив антропологию на том месте, где была теология. Маркс же внес в нее новый, уже вполне земной элемент — капитал, который питается человеческим трудом и создаваемой им прибавочной стоимостью.

Что касается исторического горизонта ожидания, то им стал конец труда, наступающий в надежде на пришествие свободной деятельности, которую еще предстояло определить (или которую как раз и невозможно было *определить* раз и навсегда), но которая в первичной своей несовершенной форме и намечалась как свободная *от труда* деятельность. Тактические цели заставляли порой назначать пролетария (то есть наемного работника) победителем борьбы за будущее, а коммунизм поэтому — триумфом труда. При этом забывалось, что пролетариат, по Марксу, должен был стать могильщиком не только буржуазии, но и самого себя, своего наемного состояния. Поэтому и стратегической перспективой у Маркса был никак не труд (даже — или тем более! — триумфирующий), а его конец. Та деятельность, которая должна прийти ему на смену и которую Маркс несколько поспешно характеризует как *свободную*, не будет ни трудом, ни рекреацией (как времяпрепровождением, *заданным* трудом). Но тогда чем?

Уже первые исследователи досуга (как Стенли Паркер²), определявшие досуг как свободу от принуждения, вынуждены были фиксировать и типы обязательств, не носящие трудового характера (*non-work obligations*), и полудосуговые практики (*semi-leisure*) типа работы по хозяйству (к которым затем феминисты и когнитивисты добавили работу родителей по воспитанию детей). Очевидно, что взаимозависимость между трудом и досугом будет существовать и далее, но формы ее будут меняться. Ушла в прошлое индустриальная иллюзия, что если

2. Parker S. The Future of Work and Leisure. L.: MacGibbon & Kee, 1971.

труд находится в тесной сцепке с капиталом, то свободное время свободно от них обоих. В отличие от индустриальной эпохи теперь свободное время становится кузней субъективности, которая все массивнее и многостороннее вовлекается в производство. В целом для этого позднеиндустриального периода справедливо, что чем интереснее и требовательнее у индивида работа, тем взыскательнее будет и его подход к досугу.

Свободная деятельность вовсе не осталась вне досягаемости капитала. Сам досуг стал полем приложения культурных и потребительных индустрий. Связка «досуг–капитал» стала едва ли не более важной, чем «труд–капитал», особенно в постиндустриальной эпохе, в которой индустрия услуг уже неразличимо слилась с индустрией досуга. После основ, заложенных Грамши и франкфуртцами, работ гренобльской школы Бернара Мьежа³ важной англоязычной книгой для осмысления этих процессов стало исследование Джона Кларка и Чеза Кричера⁴, а также Николаса Гарнхэма⁵. Функционирование позднего капитализма трансформировалось от парадигмы принуждения к парадигме соблазна, что означало колоссальное расширение поля приложения капитала и его массивную инвестицию в свободное время⁶. Свободное время оказалось связанным с капиталом двояко: как производитель ценностей (наука, высокая технология...) и как либидинальный двигатель, через потребление стимулирующий производство удовольствия и желания. Модерн был полон радужных надежд относительно свободного времени в сочетании с правами человека и технологией. Начало XX века связывало с досугом утопичные образовательные ожидания. Действительность оказалась разочаровывающей. Упреками в принуждении к пассивности встречалось каждое новое медиа — от кино до телевидения и раннего «интерпассивного» интернета. Веб 2.0 поставил новые вопросы и открыл новые перспективы, позитивные и негативные (контроль, аддикция и пр.).

3. От: *Miège B.* Les comités d'entreprises, les loisirs et l'action culturelle. P: Cujas, 1974, до: *Bouquillon Ph., Miège B., Moeglin P.* L'industrialisation des biens symboliques: les industries créatives en regard des industries culturelles. Saint-Martin-d'Hères: PU de Grenoble, 2013.

4. *Clark J., Critcher Ch.* The Devil Makes Work: leisure in capitalist Britain. L.: Macmillan, 1985.

5. *Garnham N.* Capitalism and communication: global culture and the economics of information. L.: Sage, 1990.

6. The new politics of leisure and pleasure / P. Bramham, S. Wagg (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Недавнее эссе Давида Грэбера⁷ анализирует феномен бессмысленной («туфтовой») работы под углом взаимопроникновения труда и досуга в современной организации труда. Кажется, что подобно «естественному» пределу в увеличении рабочего дня существует и «естественный» предел в его сокращении. *Теоретически* возможно перестроить все общественное производство на основе 3–4-часового рабочего дня. Но *фактически* (особенно если взять модные профессии) рабочий день увеличивается, преимущественно за счет того, что досуг проникает во все его поры. Во время рабочего дня закачивается и слушается музыка и даже смотрятся фильмы и главным образом происходит постоянная коммуникация через растущее число каналов: интерконнеktivность стала новым «*otium*»⁸ для народа».

Не вносит ли такая пессимистическая перспектива своего рода предустановленную гармонию между бессмысленной работой и никчемным досугом? Такой — провокационный — вопрос представляется насущным, поскольку качество досуга сегодня рассматривается как фактор не менее важный для самооценки и самоидентификации индивида, чем труд, а то и более важный. И проблема эта затрагивает далеко не только «модные», «продвинутые», «новые» или «городские» профессии. Никуда не исчезнувший вполне традиционный труд индустриального типа, а тем более труд в сфере услуг сегодня подражает креативному и становится таким же пористым, гибким и потенциально прекарным. Упования на то, что досуг никогда не сможет стать предметом отчуждения, не оправдались. Сегодня само свободное время стало производственным плацдармом и объектом вожаделения конкурирующих культурных индустрий.

Михаил Маяцкий

7. Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs // Strike! August 17, 2013.

8. Досуг (лат.).